

СЛУЖЕНИЕ ИСТИННОЕ...

В рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина хранится часть архива великого русского художника А. А. Иванова. Его брат передал эти бумаги в Румянцевский музей в конце прошлого века.

Великий художник не оставил никаких-либо теоретических сочинений, но он вел обширную переписку со многими писателями, художниками, представителями передовой интеллигенции XIX века, и это эпистолярное наследие представляет огромную ценность для истории русской культуры, отвечает на многие вопросы о назначении искусства в жизни общества.

Сегодня мы предлагаем читателям некоторые письма из архива художника. Немалый интерес, например, представляет переписка с Ф. В. Чижевым (1811—1877)—человеком в своем роде замечательным, сыгравшим важную роль в жизни Александра Иванова. Познакомил их Н. В. Гоголь в Италии в 1842 году. В его лице Иванов видел одного из первых ценителей своего искусства и в то же время деятельного друга.

Ф. В. ЧИЖОВ — А. А. ИВАНОВУ.

9 сентября, Дюссельдорф (1842).

Любезный Александр Андреевич!

Сегодня весь вечер пробыл я у Жуковского. Говорили о всем... Я говорю: «Для меня дело не об Иванове: он может быть гоним судьбой, я не смею требовать, чтобы все брали в этом участие; но дело об искусстве». И тут я показал ему, что должна сделать ваша картина, доказал, что другая величина ее не могла быть ни по предмету, ни по влиянию в отношении к ходу искусства в России. Я говорю: «В Эрмитаже есть его Магдалина; но говорили ли об ней?» Наконец, я достиг до того, что Жуковский принял самое живое участие, он говорит: «Заочно я не могу сделать; тем более, на что я сошлюсь? Но вот путь: напишите вы (то есть я, Чижев)

ко мне об этой картине, покажите все: и важность ее, и трудность исполнения, и что будет следствием ее неокончания. Я могу это письмо послать Наследнику...»

Александр Андреевич, как передать вам, что я чувствовал! Я бежал домой, я скакал, плясал по улице. Будет или нет что-нибудь, но есть луч, хотя слабый луч надежды... Служение истинное должно быть очищено от всякой гордости. Вы ей служите в вашей картине...

А. А. ИВАНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

(Рим, 10 сентября 1842 г.).

...Вы говорите, что Жуковский говорит вам такие истины, против которых немногое скажешь, например: Да куда они пишут такие картины, ведь и поставить некуда. Конченная картина русского худож-

ника, приобретшая европейское внимание, не может быть, чтобы не нашла места в нашем отечестве. Я знаю, что для коммерции лучше бы было писать маленькие вещицы, но как не стыдно говорить это Василию Андреевичу! При его уме и образовании я думал, что он войдет гораздо глубже в мое положение, и тогда бы он увидел, что я только несчастлив бесплатежем за мои произведения, но совершенно прав. Видя пришлецов с бракованными иностранными художниками, занимающих лучшие роли в моем отечестве, зная, что правительству наше, желая покровительствовать искусству, издерживает знатные суммы на покупку больших самых посредственных, но старых картин, могу ли я смотреть на это хладнокровно? Не должен ли я пожертвовать всеми индивидуальными интересами и покоем для такого предприятия, которые бы с окончанием своим поставило меня на ту ступень, с коей бы я мог умялять злоупотребления в отечестве?

Ф. В. ЧИЖОВ — А. А. ИВАНОВУ.

Вена, 17 августа 1845 г.

Любезный друг, Александр Андреевич!

Языков пишет мне очень часто, но мало утешительного. Еще меньше утешительного, когда случайно заглянешь в ход нашей литературы. Петербургские журналы деятельны: но лучше и во сто раз было бы лучше, если бы не было такой мерзкой и подлой деятельности; ничего своего, все целиком перепечатывание с французского, немецкого, английского. Это ли литература? С другой стороны, все свое ругают нещадно.

Одни ругают Гоголя, другие Языкова и Хомякова. Я не защищаю Языкова, вы слышали мои понятия о Гоголе; но первый дал нам стальной русский стих, последний — огромный русский талант, Хомяков — полный самого благородного чувства. Не умею передать вам, как это сжимает сердце. Задумываю свой журнал в Москве...

Ф. В. ЧИЖОВ — А. А. ИВАНОВУ.

Секиринцы, 20 сентября 1845 г. (Поместье в Прилуцком уезде).

Ваши заботы об Академии бросьте к черту. Как будто бы вы ожидали чего-нибудь лучшего! На минуточку, то есть на настоящее время, помните, что вы можете еще около двух лет существовать в Риме; между тем дела пойдут и наши, и там другим путем, мы что-нибудь спроворим.

...Быть может, мне дадут позволение издавать журнал. Лишь бы пошел как-нибудь порядочно, разделим последние крохи. Одним словом, помните, ваше положение лежит на сердце людей вам принадлежавших, а число их со дня на день увеличивается и, я уверен, увеличится, когда еще напечатают мою статью, хотя вместе с ним увеличится и число врагов, нам общих.

...Общество киевское безжизненно до высочайшей степени: резкое разделение между служебной аристократией и прочими остальными, большей частью служащими. Нет никаких точек соединения; оттого в сходках или скука, или карты. Иногда волокитство, но и то скверно, потому что от нечего делать все и все сплет-

начают. Зато сам Киев чудо из чудес. С одной стороны златоглавый монастырь, с другой — Подол с тысячами домов по окраине Днепра, потом сам Днепр. Все так хорошо, что порядочный художник мог бы чудес наделать из этих сокровищ.

Ф. В. ЧИЖОВ — А. А. ИВАНОВУ.

1845, ноябрь. Секиринцы.

Друг мой Александр Андреевич!
...Запрещение гоголевских «Мертвых душ» у меня не выходит из головы и из сердца. Вам больше, может быть, чем мне, понятно это. Художник сосредоточил все силы на лучшем своем произведении, вы сказал себя в нем истинно и истинно-достойным образом, и стоп! Теперь я перечитываю еще, то есть в третий раз, его сочинение; оно меня восхищает до того, что я сказать вам не умею. Даже исполнительная часть превосходна. Состав языка восхитительный...

Вот, Александр Андреевич, где великий урок испытаний!..

А. А. ИВАНОВ — Н. В. ГОГОЛЮ (Рим, 25 июля 1848 г.).

Добрый наш Ф. В. Чижев хочет написать рассуждение об иконной и исторической живописи... Я его утвердил в его чувствованиях, сказав, что явление этой книги будет совершенно согласно с требованиями нашего времени.

...Чем-то вы нас подарите? Ведь от вас все ждут чудес. Я тоже думаю, что, может быть, в этой вашей будущей книге и художник из ничтожества и предмета печатной колкой насмешки вынесется в деятели общественного образования.

А. А. ИВАНОВ — А. И. ГЕРЦЕНУ. Ингерлакен, 1 августа 1857 г.

Следя за современными успехами, я не могу не заметить, что мое искусство живописи должно получить новое направление, полагая, что нигде столько не могу зачерпнуть разъяснений мыслей моих, как в разговоре с вами, — надеюсь, что вы мне не откажете в этом многополезном предприятии, — я решаюсь приехать в Лондон на неделю, что будет от 3-го до 10 сентября...

В художниках итальянских совсем не слышно ни малейшего стремления к какому-нибудь новым идеям в искусстве...

Ф. В. ЧИЖОВ — А. А. ИВАНОВУ.

Мая, 11. Новгород-Северск, 1847.

Милый, далекий друг!

...Поклонитесь Гоголю. О нем множество глупейших толков, и я сам не читал, а говорят, будто бы «Отечественные записки» начали уже его ругать. Что у нас за литература, трудно и определить. Петербург — совершенно лоскутный ряд в деле литературы, деятельность неимоверная, все переписывают, перекраивают, заывают в лавку, тащат за рукав и кричат во все горло. Что кричат? Кого ругают? Что хвалят? Решительно все равно — дело в том, чтобы кричать, потому что приезжий волей или неволей зайдет в лавку. Москва — медвежья берлога: литераторы сидят и сосут лапу. Между ними множество образованности, начитанности, любви к России, умения писать, и все ничего не дало. Разумеется, все-таки здесь есть надежда, а в Петербурге уже и того не жди.

Публикацию подготовила
Н. ЛАЗАРЕВА.